

ИСТОРИЯ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ В СССР–РОССИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-217-239

УДК 330.8

ЧЕСТНЫЙ И ТАЛАНТЛИВЫЙ РАССКАЗ О НОВОСИБИРСКОМ АКАДЕМГОРОДКЕ, СОВЕТСКОМ НАРОДЕ И СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ (ВОСПОМИНАНИЯ МИХАИЛА КАЧАНА)

Ханин Григорий Исаакович,
*доктор экономических наук, профессор,
профессор Сибирского института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, 630102, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6
khanin@yandex.ru*

Аннотация

В статье анализируются многотомные воспоминания Михаила Самуиловича Качана «Потомку о моей жизни». Воспоминания состоят из 22 книг и охватывают жизнь автора с детства до 1968 г. Большая часть книг касается жизни, социальной, исследовательской и педагогической деятельности автора в новосибирском Академгородке. Автор как глава объединенного профсоюзного комитета Новосибирского научного центра, его коллеги и сотрудники сыграли огромную роль в улучшении повседневной жизни жителей Академгородка, организации самых разнообразных культурных и спортивных мероприятий, превратив его в остров свободного культурного и политического развития. Находясь в «треугольнике» власти, Качан много знал о внутренней жизни высших должностных лиц Сибирского отделения Академии наук СССР и описал множество ранее неизвестных фактов. Общественная жизнь Академгородка показана в контексте всех значительных политических, культурных, спортивных и иных событий в мире и в СССР.

На основании мемуаров Михаила Качана сделаны выводы об особенностях характера советского народа, политической и экономической системе в СССР и причинах, вызвавших распад СССР. Анализируются результаты научных работ Сибирского отделения Академии наук СССР. Значительное внимание уделяется влиянию антисемитизма, поддерживаемого государством в СССР, на жизнь Качана и судьбу Советского Союза.

Ключевые слова: М.С. Качан, Академгородок, объединенный профсоюзный комитет, Сибирское отделение Академии наук СССР, причины крушения СССР, государственный антисемитизм в СССР.

Библиографическое описание для цитирования:

Ханин Г.И. Честный и талантливый рассказ о новосибирском Академгородке, советском народе и советском обществе (воспоминания Михаила Качана) // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 4, ч. 1. – С. 217–239. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-217-239.

Введение

Несколько обстоятельств побудили меня обратиться к воспоминаниям Михаила Самуиловича Качана [3]. Воспоминания, написанные и изданные в США, состоят из 22 томов и охватывают его жизнь в СССР с детства до 1968 г. включительно (Михаил Качан умер 2 декабря 2018 г. в возрасте 84 лет и не успел, к сожалению, запечатлеть свою жизнь после 1968 г.). Автор жил и работал в новосибирском Академгородке с 1959 г. вплоть до отъезда в США в 1992 г., и его воспоминания позволяют воссоздать отдельные черты облика советского народа и советского общества в этот период, пусть и на ограниченном географически и социально материале.

Воспоминания написаны очень живо, с поразительными подробностями о встреченных им людях и событиях. Качан не был историком, но, на мой взгляд, успешно взял на себя эту функцию благодаря своему таланту, знаниям и любознательности. Некоторые историки общественной жизни Академгородка оспаривают точность отдельных фрагментов его воспоминаний. Мне трудно об этом судить. Хотя я и жил в Академгородке с 1965 г., но не принимал участие в его общественной жизни. Отмечу только, что было бы странно требовать абсолютной точности от воспоминаний, написанных спустя 40–50 лет после описываемых событий. Даже если отдельные неточности в ней и встречаются, они, как мне представляется, не снижают огромной ценности и важности этих воспоминаний.

Личность автора

Если внимательно вчитаться в книгу, возникает на редкость привлекательный облик автора. На многочисленных фото разных лет мы видим очень симпатичного, умного и энергичного человека. Восхищает его трогательная любовь к жене, которую он пронес через всю жизнь. Книга посвящена ей, и каждый том начинается с этого посвящения. Он посвятил своей влюбленности в нее целую книгу, но и в каждом томе это чувство просвечивает через рассказ о ее служебных делах и успехах на самостоятельной сцене, которыми он гордится.

В советской идеологии важное место занимал призыв к формированию всесторонне развитого человека. Как раз таким и предстает в книге сам Качан. Он не только увлеченный и успешный ученый, поглотитель научной литературы, научно-популярных журналов и фантастической лите-

ратуры. Он и профсоюзный деятель, самоотверженно и увлеченно, не жалея сил и времени занимающийся улучшением быта населения Академгородка (этот быт в начале 60-х гг. был крайне неудовлетворительным) и жилищных условий его жителей, преодолевая сопротивление многих хозяйственников. Огромные усилия прилагаются им для развития культурной жизни Академгородка. Здесь автор предстает большим ценителем и знатоком искусства. Наконец, Качан еще и спортсмен. Его усилия в этой области, особенно в развитии детского спорта, как раз и определяются этими спортивными наклонностями. Но он и общественный деятель в широком понимании этого слова: и как профсоюзный деятель, и как спонсор самых разнообразных общественных мероприятий и организаций, которые определили лицо Академгородка в 60-е гг.

Характер книги

Воспоминания писались, начиная с 2005 г. Первоначально они размещались на сайте автора в Интернете [2], и только после большого успеха в сети книга стала печататься (на средства автора и его американских родственников). Она представляет собой неимоверно разнообразный по содержанию набор материалов. Это воспоминания о его личной жизни, учебе, научной и преподавательской работе, друзьях, но больше всего – об окружающей обстановке в его непосредственном окружении и в стране. Поражает исключительная память автора. Спустя много десятилетий после событий Качан воссоздает не только внешний облик своих друзей (даже школьных) и коллег, но и их характеры, манеру поведения. Он подробнее описывает и наиболее важные события своей общественной жизни. Огромное впечатление производит, например, чуть ли не почасовое описание им смещения его с поста главы профсоюзного комитета Новосибирского научного центра.

В своих воспоминаниях Качан опирается не только на свою память. Он использует огромное количество источников. К описанию своей общественной деятельности и важнейших событий в Академгородке он привлекает газетные сообщения и опубликованные в разнообразных изданиях воспоминания жителей и научных сотрудников Академгородка. Но он этим не ограничивается, как сделало бы подавляющее большинство профессиональных историков. Качан разыскивает по всему миру прежних жителей Академгородка и получает от них воспоминания о коллегах и важных событиях в жизни Академгородка. Он также находит и публикует фотографии героев своих воспоминаний.

Уникальной особенностью книги является включение в нее рассказа о наиболее важных событиях в СССР и за рубежом в рассматриваемом в каждом томе периоде. Прежде всего политических, но также в области на-

уки, культуры, спорта (даже авиационных происшествий). Кругозор автора производит сильнейшее впечатление. И здесь Качан обращается к самым разнообразным источникам информации – от газет до монографий. Эти экскурсии позволяют ему вписать личную и местную историю в контекст мировой. Даже сейчас, когда появилось множество источников информации, эти экскурсии производят сильное впечатление, а для молодежи просто бесценны. Подчас Качан проводит целые исследования. Так, он подробнейшим образом, с использованием редчайших источников рассказывает о произведениях и жизни любимого им художника Фалька, ряда других выдающихся художников, писателей.

Роль Михаила Качана в жизни Академгородка

Из книги становится очевидна огромная роль Качана в период становления Академгородка. Благодаря своему общественному темпераменту и организационным способностям он быстро становится видным профсоюзным деятелем Академгородка, а с 1964 г. – главой его профсоюзного комитета. Из воспоминаний видно, что профсоюзные организации институтов и профсоюзный комитет Новосибирского научного центра в этот период играли очень значительную самостоятельную роль в решении многих вопросов жизни Академгородка. Здесь сказался высокий интеллектуальный уровень его жителей, молодость большинства из них. Но не менее важны и выдающиеся личные качества самого Качана, его чувство ответственности перед жителями Академгородка, неумная энергия, настойчивость и выдающиеся организационные способности, его харизма.

Качан подробно рассказывает о «войне» с торговыми работниками за улучшение качества торговли, против пренебрежения интересами населения и хищений, широко распространенных в советской розничной торговле и общественном питании. Молодые читатели узнают много нового о нравах советского периода, которые сейчас часто идеализируются. Для их преодоления требовались огромные усилия.

Подобные пороки были характерны и для строительства: огромные приписки, недоделки, пренебрежение вводом объектов жизни и быта населения по сравнению с производственными объектами. И здесь Качан проявил огромную настойчивость в борьбе с этим пренебрежением, прежде всего к объектам для детей. Особенно «болел» Качан за развитие культурной и спортивной сфер. Здесь сказалось понимание им значимости этой сферы для жизни общества, собственная увлеченность культурой и спортом. В книгах подробно рассказывается о деятельности важнейших культурных и спортивных учреждений и коллективов Академгородка: о Доме ученых, картинной галерее, театральных коллективах, научных и культурных клубах, профсоюзной библиотеке, приглашении на жительство

в Академгородок знаменитой пианистки Лотар–Шевченко [7, 8]. С огромной любовью и восхищением Качан подробнее описывает деятельность клуба «Под интегралом», его роль в общественной жизни Академгородка до его разгрома в 1968 г. Качан рассматривал культурные учреждения Академгородка, помимо их культурной и эстетической ценности, как важный элемент демократизации советского общества, к которой он стремился.

Критически он, в отличие от большинства исследователей истории Академгородка, относится к деятельности опекаемой районным комитетом комсомола фирмы «Факел», обвиняя ее в расхищении государственных средств и раздувании инфляции в стране. Это негативное отношение было у него с начала ее возникновения [8, 9].

Следует отметить, что активная деятельность профсоюзов и самого Качана в культурной и спортивной сфере встречала сдержанное отношение М.А. Лаврентьева, считавшего ее даже препятствием для научной деятельности. И партийные органы с подозрением следили за содержанием этой культурной и общественной деятельности.

Откровением для меня (уверен, и для подавляющего числа жителей Академгородка) было то, что нынешние названия многих улиц Академгородка были придуманы Качаном.

Немало места в книге занимает деятельность НГУ и физматшколы при НГУ, поскольку Михаил Качан и его жена Любовь Николаевна работали в НГУ: Качан преподавал математику, Любовь Николаевна была лаборантом на одной из химических кафедр. Читатели и историки НГУ найдут немало нового для себя в этом рассказе. Так, по словам автора воспоминаний, в первые годы жизни НГУ его фактическим руководителем был декан факультета естественных наук Б.О. Солоноуц, о котором он отзывался с огромным уважением.

Герои и злодеи новосибирского Академгородка

В силу своего положения в треугольнике власти (партия, администрация, профсоюзы) Качан был хорошо осведомлен о внутренней жизни руководства Академгородка. Его воспоминания об этом несравненно более правдивы, чем тщательно приглаженные официальные истории СО РАН [14], даже выпущенные в период перестройки и после нее, когда, казалось бы, можно было позволить себе гораздо больше правдивости. Лишь редкие историки Академгородка (особенно И.С. Кузнецов) позволили себе изложить более правдивую историю Академгородка (см. [12, 13] и другие его работы).

Качан вспоминает героев и злодеев Академгородка. Среди героев на первом месте стоит М.А. Лаврентьев. Качан многократно с восхищением отзывался о нем как об ученом и о человеке. Лаврентьев же сыграл реша-

ющую роль в переезде Качана в Академгородок, чему из антисемитских соображений препятствовали чиновники аппарата СО АН СССР. Качан многократно подчеркивает, что Лаврентьеву совершенно был чужд антисемитизм. Успехи Академгородка Качан во многом связывает с его именем.

Вместе с тем Качан не делает из Лаврентьева икону, чем до сих пор грешат официальные историки. Он отмечает его слабости как руководителя. Подробно описываются конфликты Лаврентьева с его ближайшими соратниками, выдающимися учеными и администраторами – академиками С.А. Христиановичем и Е.Н. Мешалкиным. Качан отмечает негативные последствия устранения Мешалкина – ухудшение медицинского обслуживания Академгородка, которое он оценивает очень низко (с этим он связывает смерть в относительно молодом возрасте академиков В.В. Воеводского и А.И. Мальцева). В этих конфликтах, завершившихся изгнанием этих ученых из Сибирского отделения, Качан винит Лаврентьева. Свое смещение с поста председателя объединенного профсоюзного комитета Качан связывает с влиянием на Лаврентьева заместителя Главного ученого секретаря СО Эльмара Антонова – ничтожного, по оценке Качана, человека. Огромной ошибкой Лаврентьева Качан считает приближение к себе Гуррия Ивановича Марчука, назначенного впоследствии его первым заместителем, интригами добившегося смещения Лаврентьева и ставшего на его место, что оказало губительное влияние на деятельность СО РАН. Качан не жалеет уничтожающих слов для характеристики Марчука. Впечатляет его термин «один гурий» как эталон подлости. Часто упоминает вредное влияние на решение кадровых вопросов жены Лаврентьева.

С отвращением и даже негодованием он отзывается об общественной позиции академика А.А. Трофимука во время дела подписантов в 1968 г.

В книге подробно рассказывается о негативном влиянии на общественную жизнь Академгородка таких руководителей Советского райкома КПСС, как В.П. Можин и Р.Г. Яновский. Больше всего он в нем винит первого секретаря Новосибирского обкома КПСС Ф.С. Горячева, который был еще и грубым антисемитом. Выскажу предположение, что за изгнанием Качана из объединенного профсоюзного комитета стоял прежде всего Горячев, который еще в 1965 г. отдал распоряжение исключить его из партии и отдать под суд в связи с эпидемией в пионерском лагере, к которой Качан был совершенно не причастен. Конечно, отмечается роль КГБ и на общесоюзном, и на местном уровне как гонителя свободной мысли. Качан много пишет о стукачах и даже называет их имена в клубе «Под интегралом».

С огромным уважением описывает Качан характер и нравственный облик соратников Лаврентьева по созданию Академгородка – академиков и членов-корреспондентов АН СССР. Чаще всего с точки зрения их обще-

ственной активности, отношения к общественным инициативам в Академгородке. Здесь он отмечает безвременно скончавшегося академика В.В. Воеводского, тогдашних членов-корреспондентов Г.И. Будкера, А.А. Ляпунова, В.А. Аврорина, А.Г. Аганбегяна. С большой симпатией пишет об академике С.Л. Соболеве. Вместе с тем обращает на себя внимание то, что большинство академиков и членов-корреспондентов занимали в этих вопросах пассивную позицию.

С любовью и восхищением пишет Качан о многих соратниках по развитию культурной и общественной жизни Академгородка. Невозможно их всех здесь перечислить. Назову только таких активных деятелей клуба «Под интегралом», как А. Бурштейн и Г.С. Яблонский, директор ДК «Академия» и первый директор Дома ученых А.В. Немировский, директор профсоюзной библиотеки С.Я. Колотова, а также множество руководителей клубов.

Положительно оценивается в книге деятельность многих руководителей строительных организаций и райисполкома, с которыми сталкивался Качан в связи со своей профсоюзной деятельностью.

1967 и 1968 гг. – переломные в жизни Академгородка

Особенно подробно Качан рассказывает о событиях 1967 и 1968 гг. Если событиям предыдущих лет посвящается один, иногда два тома, то событиям 1967 и 1968 гг. – по тому для каждого квартала, вплоть до 4-го квартала 1968 г. Очевидно, это объясняется тем, что именно этим годам автор придает особое, судьбоносное значение в своей жизни и в жизни Академгородка. Разумеется, этот поворот шел сверху и объяснялся начавшейся консервативной реакцией после оттепели, связанной с именем Хрущева.

Обращает на себя внимание то, что поворот в жизни Академгородка в эти годы начался со смещения Качана с должности председателя объединенного профсоюзного комитета Новосибирского научного центра. Это говорит о центральной роли Качана и профсоюза в общественной жизни Академгородка, что поняли партийные руководители Новосибирской области и Советского района. Без смещения Качана были бы невозможны или крайне затруднительны другие мероприятия по зажиму общественной активности в Академгородке. И если она все же по инерции продолжалась некоторое время, то это является свидетельством силы первоначального импульса.

Вслед за смещением Качана последовало смещение начальника Дома культуры «Академия» и Дома ученых А.В. Немировского, усиление контроля за деятельностью клуба «Под интегралом» и, наконец, репрессивные меры против многих научных работников после «письма 46» в защиту

жертв политических репрессий и за проведение фестиваля бардов в марте 1968 г.

О фестивале бардов он пишет особенно подробно. Он считает его звездным часом Академгородка, и прежде всего за уникальную для бардов возможность продемонстрировать свое творчество. Но и за восторженный прием, который им был оказан в залах Академгородка и на квартирах известных ученых.

Качан обоснованно утверждает, что именно в результате событий 1967–1968 гг. был положен конец острову культурной свободы, который возник в Академгородке в предшествующий период. Это, по его мнению, негативно повлияло и на научную деятельность. Благоприятный моральный климат Качан считал важным компонентом творческой деятельности ученых. Я совершенно с этим согласен. Хочу обратить в этой связи внимание на то, что после 1968 г. почти прекратился приток в Академгородок талантливых ученых и начался их усиленный отток. Особенный моральный климат Академгородка их уже не удерживал, хотя были, конечно, и другие причины.

«Мой Академгородок»

Основная часть книги посвящена жизни автора и его семьи в Академгородке. Даже сам подзаголовок томов этой серии – «Мой Академгородок» – говорит о любовном отношении Качана к Академгородку. Любовь эту Качан пронес через всю жизнь, несмотря на серьезные неприятности этого периода. Здесь прошли самые плодотворные годы жизни автора. Он не только наслаждался жизнью в Академгородке с его уникальным природным ландшафтом и богатством интеллектуального и культурного окружения, условиями для занятия научной деятельностью, но и сам очень много сделал для развития Академгородка как центра гражданского общества и культурного центра. Может быть, никто для Академгородка больше него не сделал. Возглавляя отдел в комитете профсоюзов, а затем Объединенный профсоюзный комитет Новосибирского научного центра, он эти изменения либо инициировал, либо активно поддерживал.

Огромны усилия Качана по созданию благоприятных условий жизни для жителей Академгородка. Здесь жили его лучшие друзья, с которыми он не прекратил личных отношений и после изгнания с поста главы профсоюзного комитета и перехода из системы Академии наук в главные инженеры оборонного института, а затем став заведующим кафедрой Новосибирского электротехнического института. При всех служебных перемещениях Качан оставался жителем Академгородка. Он несколько раз посещал Академгородок и после отъезда в США и постоянно следил за судьбой Академгородка и своих друзей, продолжавших в нем жить и работать.

Много места в книге занимают размышления о причинах того, что именно Академгородок стал единственным островом относительной культурной и даже политической свободы в СССР вплоть до 1968 г.

Результаты научной деятельности Новосибирского научного центра

Собственно научная жизнь Академгородка в книге занимает скромное место. Это может показаться странным, учитывая решающую значимость именно этой сферы в жизни автора и Академгородка. На это обстоятельство обращает внимание и сам автор. «В моих воспоминаниях читатель не найдет практически ничего о научных поисках и научных результатах большой армии ученых Академгородка. Это отдельная песня, за которую я сознательно не взялся, хотя материалов по этой теме – изобилие. Это тоже “Мой Академгородок”, поскольку я живо интересовался многим, что делалось в лабораториях институтов сибирского отделения (из любознательности), а при подготовке материалов соцобязательств институтов обязательно вникал в каждое, стараясь вникать в каждое, стараясь понять, в чем же эти обязательства состоят и насколько они неформальны (по долгу работы)» [11, с. 134].

Как видим, объяснения так и не произошло. Попытаюсь объяснить это за автора, исходя из содержания книги. Думаю, научной жизни Академгородка было уделено мало внимания именно в силу того, что в описываемый период автор занимался преимущественно общественной деятельностью в ущерб научной. Он очень переживал об этом, но общественную деятельность считал своим общественным долгом. Впрочем, это не означает, что в научной деятельности у него не было серьезных научных результатов.

Дело еще и в том, что оценка научных результатов деятельности Новосибирского научного центра – слишком сложная задача, на которую у него не хватило времени (в последующих томах, думаю, он бы к этому вернулся). Но без этой сферы невозможно дать оценку роли Академгородка в жизни СССР при всей значимости культуры и спорта для жителей Академгородка и их научного творчества, не для этого создавался Новосибирский научный центр. Предполагаю, что здесь Качан боялся разочарований: он был слишком честен, чтобы что-то приукрашивать.

Попытаюсь в минимальной степени восполнить этот пробел, тем более что в официальной исторической литературе я не обнаружил серьезной попытки объективно его оценить. Даже наиболее правдивые историки Академгородка (И.С. Кузнецов и Е.Г. Водичев) предпочитают ограничиться его общественной жизнью и взаимоотношениями в руководстве СО РАН. Опять таки в силу огромной сложности этой задачи. Мои рас-

суждения носят сугубо предварительный и скорее постановочный характер. Уверен, что без объективной оценки пройденного не перейти к движению вперед. Именно этого не хватает и прежнему, и нынешнему руководству СО РАН.

Состояние советской науки в советское время властями и значительной частью населения оценивалось преимущественно в розовых тонах. Это объяснялось и ее реальными достижениями, и присущей советской пропаганде тенденции изображать социализм высшим достижением цивилизации. Но эта тенденция в большей степени, чем в других отраслях жизни, сохранилась и в постсоветский период. Здесь еще сказались и ведомственные интересы руководства Российской Академии наук.

Я подверг сомнению эту розовую картину еще в 1989 г. На основе анализа объективных показателей состояния советской науки я показал, что по производительности труда советская наука отставала в середине 80-х гг. от западной в 6-8 раз, т. е. больше, чем даже в сельском хозяйстве. Были представлены и объяснения этого огромного отставания [15]. В последующем я обнаружил очень резкие оценки состояния советской науки вообще и АН СССР в частности в предвоенный и послевоенный периоды таких выдающихся советских ученых, как академики В.И. Вернадский и П.Л. Капица. Выступая на общем собрании АН СССР в декабре 1956 г., Капица говорил: «Еще очень мало областей науки, в которых мы занимаем ведущее место. Можно проанализировать много областей и увидеть, что число областей, где у нас нет лидерства, сейчас увеличивается. В прежнее же время в ряде областей мы были лидерами, а сейчас это лидерство потеряли» [1, с. 177, 178].

Для выявления реальных научных результатов деятельности СО АН СССР в области естественных наук (в общественных науках положение было намного хуже) я воспользуюсь теми же показателями, что и по всей советской науке. Начну с Нобелевских премий. За послевоенный период советские ученые к середине 80-х гг. получили лишь 6 Нобелевских премий (3 % от общего числа) [15, с. 141]. В СО АН СССР была получена только одна – Л.В. Канторовичем¹. Сомневаюсь, что это можно отнести к научным достижениям СО АН: эти работы Канторович выполнил задолго до образования Сибирского отделения, да и работал Канторович в СО АН СССР лишь 5 лет в Институте математики и покинул его еще в 1970 г. Правда, крупный новосибирский физик И.Ф. Гинзбург сообщил о еще трех-четырёх работах нобелевского уровня, выполненных учеными Сибирского отделения, но факт в том, что они их не получили. Почему?

¹ В 1975 г. Л.В. Канторович стал лауреатом Нобелевской премии по экономике (совместно с Тьяллингом Купмансом) за вклад в теорию оптимального распределения ресурсов.

Вопрос нуждается в анализе. По мнению Ильи Гинзбурга, это связано с «монополизмом организаций, затруднявшим международные контакты».

По другому показателю, членству в престижных научных обществах, положение было не лучше. В самом старинном и престижном Лондонском Королевском обществе из 87 иностранных членов лишь 6 было из СССР. Из Сибирского отделения – ни одного. Для объективности следовало бы рассмотреть еще членство в Национальной Академии наук США и Французской Академии наук, но у меня нет таких данных. Впрочем, о членстве в них ученых из Сибирского отделения не сообщает и официальная история СО РАН. Только из воспоминаний Качана известно, что выдающийся математик академик С.А. Соболев был членом Французской Академии наук [9]. Нет данных о публикациях сотрудников СО АН СССР в самых престижных научных журналах – Nature и Science.

Из отечественных показателей развития науки наиболее объективным, по-моему, является число открытий. За период до 1991 г. из примерно 400 зарегистрированных в СССР открытий сотрудникам СО АН СССР принадлежало только 11. Официальные историки СО АН СССР умалчивают и о таких важных объективных характеристиках научной деятельности, как число выданных организациям Сибирского отделения патентов и проданных лицензий. Вряд ли это случайно.

В силу непрозрачности процедуры присуждения у меня нет уверенности в объективности таких показателей научной успешности, как присуждение званий лауреатов Ленинской и Государственных премий и награждение орденом Героя Социалистического Труда, которые охотно используются для демонстрации успехов СО АН СССР в официальных публикациях по истории СО АН СССР.

Думаю, что вопрос о реальных научных результатах СО АН СССР заслуживает самого тщательного и объективного рассмотрения. При этом необходимо учесть огромную роль в деятельности советской науки исследований в военной области. Она была по удельному весу намного большей, чем в развитых капиталистических странах. Это относится и к деятельности СО АН СССР. К сожалению, до сих пор не опубликованы данные о доле военных исследований в Сибирском отделении, хотя эти данные давно уже не секретны. Правильнее проводить сравнение по гражданской части исследований, что позволит реально оценить эффективность советской науки.

При оценке результатов деятельности АН СССР вообще и СО АН СССР в частности требуется учесть особенности истории этих научных учреждений. Они испытали на себе все сильные и слабые стороны развития советского общества. О сильных говорили охотно, о слабых – только в перестройку и в постсоветский период, но недостаточно. Отмечу здесь

прежде всего огромные потери советской науки от гражданской войны и эмиграции, репрессий и невозвращенчества 30-х гг., от ограничений при приеме в вузы выходцев из интеллигенции, немцев и евреев, особенно в 40-е гг., от кампаний против генетики и кибернетики, идеологических кампаний в общественных науках, от антисемитских кампаний [15, с. 143–152]. Огромными препятствиями были ограничения международных контактов, засекречивание научных результатов, бюрократизация научных организаций, отсутствие свободных дискуссий. Эти пороки подвергались резкой критике такими выдающимися учеными, как В.И. Вернадский и П.Л. Капица даже в сталинский период.

К положительным сторонам можно отнести крупные ассигнования на науку, особенно связанную с оборонными исследованиями, престижность научной деятельности в естественно-научной области, высокую оплату труда научных работников после Великой Отечественной войны.

Качан с гордостью отмечает уникальное в советских условиях противодействие Академии наук возрождению сталинизма после смещения Хрущева; противодействие, вопреки давлению аппарата ЦК КПСС, выборам в Академию явно слабых научных работников. После 1971 г. число таких благородных поступков резко уменьшилось.

Все эти сильные и слабые стороны советской науки нашли отражение в деятельности Сибирского отделения. В начальной стадии преобладали сильные стороны. Здесь сказались выдающийся научный уровень первых его руководителей, молодость большинства научных работников, минимальное вмешательство в научную деятельность и культурный досуг партийных органов. Сибирское отделение в своей деятельности проявило новаторство в организации научной деятельности, соединив воедино науку и высшее образование благодаря организации НГУ и физико-математической школы, создав пояс внедрения научных исследований. Минимальным был и антисемитизм.

Качан отмечает огромный научный энтузиазм своих молодых коллег, готовых работать по 12 и более часов, первые полученные ими крупные научные результаты, защиты докторских диссертаций, почетные государственные премии и награды. Однако общие пороки советской науки не могли не сказаться и на деятельности Сибирского отделения. Качан показывает, как на его научной деятельности отразилось безразличие к ней его научного руководителя, члена-корреспондента АН Э.И. Григолюка, пренебрегавшего научной деятельностью, готового давать положительные отзывы на слабые докторские диссертации. Гнетущее впечатление оставляет рассказ о присвоении академиками С.С. Кутателадзе и В.Е. Накоряковым открытия, сделанного Качаном (этот факт, конечно, нуждается в проверке).

В дополнение к приведенным Качаном фактам напомним о дискриминации в Институте математики Семена Залманова – будущего лауреата премии Филдса, об изгнании из того же института выдающегося ученого Абрама Ильича Фета. Могу сослаться и на собственное изгнание из НГУ в 1971 г. И это только то, что мне известно. Все три случая относятся (по случайности?) к евреям.

Эти пороки сказывались и на руководстве Сибирским отделением. Качан характеризует его как самодержавие Лаврентьева, пусть и преимущественно просвещенное, но допускавшее произвольные решения в отношении ряда крупных ученых. Но хуже всего то, что оно превратилось в абсолютизм непросвещенный. Только институциональными пороками и персональными слабостями членов Сибирского отделения можно объяснить приход к его руководству Гурия Марчука. Но это выходит за хронологические рамки самой книги.

Еврейская тема в воспоминаниях Качана

Через все тома воспоминаний так или иначе проходит еврейская тема. Было бы странно, если бы было иначе. Хотя Качан не воспитывался в религиозном и сионистском духе, не знал ни идиша, ни иврита, а родители его были членами партии с начала 30-х гг., сама жизнь в обстановке государственного, а нередко и бытового антисемитизма подталкивала его к размышлениям о жизни евреев в СССР и их месте в мировой истории.

Почти во все поворотные моменты своей жизни Качан испытывал сильнейшее влияние государственного антисемитизма, что он очень тяжело переживал. Ему, несмотря на полученную после окончания школы золотую медаль, отказали в приеме в Ленинградский политехнический институт, а после того как он туда все-таки попал (после дачи взятки), не позволили заниматься ядерной физикой. Только вмешательство М.А. Лаврентьева позволило получить работу в Сибирском отделении. Именно в силу государственного антисемитизма его заставили уйти с поста председателя объединенного профсоюзного комитета, освободили от должности главного инженера Института прикладных физических проблем, два раза пытались исключить из партии. Качан приводит многочисленные свидетельства государственного антисемитизма в СССР во время и после войны. Особенно подробно он пишет о позорном «деле врачей». После смерти Сталина были устранены лишь наиболее грубые формы государственного антисемитизма.

Отторжение у Качана вызывает и враждебная позиция СССР к Израилю, к которому он, как еврей, испытывает большую симпатию.

Сложнее обстоит дело с бытовым антисемитизмом. Этот феномен в книге практически не анализируется. Сам Качан в описываемый период

сталкивался с ним довольно редко. Это определялось, полагаю, интеллигентным окружением и молодостью этого окружения со свойственным молодости идеализмом, официальной пропагандой идеологии дружбы народов, культом знаний в СССР в этот период, уважением к хорошо успевающим. В школе и институте он избирался главой пионерских и комсомольских организаций.

В этом отношении особенно обращает на себя период «дела врачей», который Качан пережил во время учебы в Политехническом институте. Ни разу в этот период он не испытывал враждебной реакции студентов и преподавателей в связи со своей национальностью. Мой собственный опыт аналогичен. В то время я учился в 8-м классе в Риге и ни разу не встречался с антисемитизмом со стороны товарищей и учителей. То же самое подтверждает моя сестра, учившаяся в это время в Рижском пединституте. В других местах и в другой среде положение, видимо, было другим. Часто играли роль шкурные интересы, так как антисемитизм часто использовался для устранения конкурентов. В школе и институте этот фактор играл минимальную роль.

Практически не испытывал Качан бытового антисемитизма в новосибирском Академгородке, что определялось высоким интеллектуальным уровнем подавляющего числа научных сотрудников Академгородка. Его неприятности как еврея начались, когда он уже играл в жизни Академгородка видную роль, и вызваны были как влиянием государственного антисемитизма, так и неприемлемостью его общественной позиции партийными органами Новосибирской области и Академгородка.

В целом проявления государственного антисемитизма в СССР определили всё более враждебную позицию Качана по отношению к советской государственной и общественной системе и его последующий отъезд в США.

Отношение к СССР и к России

Большое место в воспоминаниях Качана занимает его отношение к советскому строю. Он подробно пишет, как оно складывалось в отдельные периоды его жизни, и параллельно оценивает в связи с новыми знаниями о СССР.

Мы видим, как по мере взросления и приобретения жизненного опыта и исторического знания восторженное отношение к социализму и СССР, сформировавшееся под влиянием официальной пропаганды и школьного и вузовского воспитания, постепенно менялось на всё более критическое, пока не превратилось в антисоветизм (уже за пределами описываемого в вышедших воспоминаниях периода).

Важнейшую роль здесь сыграли проявления государственного антисемитизма в практике управления СССР и в собственной жизни. Наряду с этим произошло постепенное осознание тяжелейших преступлений советского периода из сообщений советских официальных органов и публикуемой и самиздатовской литературы. Огромную роль здесь сыграл «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, потрясший Качана. Сюда же относится подавление Советским Союзом выступлений возмущенных своими правителями народов Восточной Европы. Наконец, явная неэффективность хозяйственной деятельности (во время поездок на сельскохозяйственные работы в период обучения в Политехническом институте и на начальном этапе строительства Академгородка), постоянный товарный дефицит и безобразия в торговле.

С начала 60-х гг. Качан постоянно анализировал официальные публикации о выполнении пятилетних и годовых народно-хозяйственных планов. Далеко не все профессиональные экономисты этим занимались. Это позволило ему прийти к заключению, что уже в середине брежневского правления советская экономика вступила в период стагнации. Думается, здесь его подвела память. Это произошло в конце 70-х гг. Скорее всего он увидел тогда тенденцию к стагнации. Но это заметили лишь единицы профессиональных экономистов в СССР и за его пределами. А ведь Качан не был профессиональным экономистом. Это можно считать интеллектуальным подвигом, интеллектуальным достижением высшего класса.

Вместе с тем воспоминания Качана позволяют определить сильные стороны советской системы. Прежде всего в области образования. Качан высоко оценивает уровень советского школьного образования, с симпатией вспоминает многих школьных учителей. Столь же высоко он оценивает уровень обучения в Политехническом институте, своих преподавателей профилирующих дисциплин. Эти наблюдения Качана совпадают и с моими наблюдениями. Впрочем, надо иметь в виду, что Качан учился в крупнейшем культурном и научном центре – Ленинграде, а Ленинградский политехнический институт был одним из сильнейших технических вузов в СССР. В провинции качество обучения, конечно, было намного хуже.

Велико было также после войны внимание к науке. На нее не жалели средств. Ее престиж, как и престиж знания вообще, был огромен. Это диктовалось, конечно, прежде всего военными соображениями, но положительно влияло на всё общество. В науку шли лучшие. Это сказалось и на жизни Качана, и Академгородка.

Само создание в кратчайшие сроки новосибирского Академгородка является крупнейшим достижением советской системы, свидетельством ее

способности в кратчайшие сроки мобилизовать ресурсы для решения поставленных задач, находить, пусть и не сразу, необходимых квалифицированных исполнителей. Впоследствии она стала утрачивать эти сильные стороны.

Качан видит привлекательные черты в окружавших его рядовых советских людях. Лишь редкие из них были откровенными подонками. Это являлось, конечно, результатом прежде всего семейного воспитания, но также и положительным воздействием пионерского и комсомольского воспитания, официальной идеологии. Другое дело, что даже лучшие люди не были способны активно противодействовать государственному насилию. Здесь, однако, надо учесть, что окружавшая Качана среда состояла из лучших элементов советского общества: ленинградского студенчества и молодой научной интеллигенции Академгородка.

При всём антисоветизме Качана в последние годы его жизни многие элементы ностальгии по советскому периоду у него остаются. Упомяну в этой связи обильно цитируемые в первом томе прекрасные советские патриотические песни разных лет. Ему дороги стихи Маяковского, многих других прекрасных советских поэтов.

Если при оценке советского периода у Качана преобладает негативизм, то отношение к России, ее истории и особенно литературе у него не просто положительное, но часто восторженное. Он пишет: «Любовь к Отечеству для меня отнюдь не пустой звук. Мне так хотелось что-нибудь сделать во славу России!» [4]. При этом он видит и негативные стороны в ее истории. В этой связи он цитирует знаменитые строки Чаадаева и Пушкина. Говоря о современной России, Качан с озабоченностью пишет о возрождении в России авторитаризма после начала президентства Путина. Он считает это «путем в никуда».

Кто разрушил СССР?

Книга дает немало для ответа на этот вопрос. Я не о пороках советской политической и экономической системы, об этом уже много написано. Я об отношении к людям.

Вспоминается интервью бывшего партизана, Героя Советского Союза, накануне очередного Дня Победы данному российскому журналисту. Он вспомнил встречу с бывшим пленником – немецким генералом, накануне его отъезда из СССР после отбытия наказания в 1955 г. На вопрос, что будет с СССР, генерал ответил: «Он погибнет». – Почему? – спросил бывший партизан. – У Вас не умеют ценить людей.

Судьба Качана – хорошая иллюстрация к этому утверждению. Она не самая печальная – он всё же сумел получить известное признание в СССР. Но признание, далеко не соответствующее его реальной роли.

Особенно в этой связи обращает на себя внимание роль государственного антисемитизма в послевоенный период. Известен огромный вклад евреев в развитие науки и культуры (просто напомним, что, составляя всего 0,1 % от мирового населения, евреи получили треть Нобелевских премий). Велика была и их роль в развитии советской науки и культуры, в создании советского государства. Только огромной тупостью и потаканием инстинктам худшей части населения СССР можно объяснить политику государственного антисемитизма, нанесшую огромный ущерб СССР и приведшую к эмиграции более 1 млн евреев в Израиль и США, к огромной пользе для этих стран.

В разжигании государственного и бытового антисемитизма огромную роль играло чувство творческой и интеллектуальной неполноценности у худшей части населения. Среди моих замечательных русских друзей я никогда не встречал антисемитизма, они не считали себя хуже меня, нередко были в ряде отношений лучше. Вспоминается, как Черчилль объяснил отсутствие антисемитизма в Англии: «Мы не считаем себя хуже евреев».

Люба-Любовь

Одной из самых трогательных черт книги является любовь автора к жене. Это чувство он пронес через всю жизнь. В его жизни было два солнца: одно на небе, другое дома – жена Любовь Николаевна, или Любочка, как он ее называет. Чтобы читатель почувствовал силу его любви к жене, приведу фрагмент его воспоминаний, относящийся к периоду их знакомства, написанный более чем через 50 лет после их первой встречи. Качан в 1954 г. на даче наблюдает игру волейболистов. «И вдруг мое сердце застучало. Одна из девушек подавала мяч. Она подбросила мяч левой рукой, взмахнула правой и сильно ударила по мячу, сильно наклонившись влево и подняв при этом правую ногу, которую почему-то слегка поджала. Мяч был побит хорошо и сильно. Но я смотрел не на него, а на девушку. Красивое лицо, обрамленное черными волосами, показалось мне знакомым. Я смотрел на эту девушку и понимал, что это не случайная встреча, недаром мое сердце так стучало» [5, с. 88, 89].

В четвертом томе воспоминаний, названном «Люба-Любовь» [6], Качан подробнейшим образом рассказывает о жизни жены до их встречи, жизни ее родителей и ближайших и даже отдаленных родственников. Этот рассказ, конечно, обращен прежде всего к их потомкам, но и обычному читателю он много расскажет о жизни людей в советский период.

Впоследствии в каждом томе рассказ о своей жизни сопровождается рассказом о жизни Любви Николаевны – ее работе и сценических успехах, которыми он очень гордится.

Жизнь Михаила Качана после 1968 г.

После 1968 г. Качан сосредоточился на профессиональной деятельности. Как о самом счастливом периоде своей жизни, он пишет о своей деятельности на посту первого заместителя директора по научной работе – главного инженера отраслевого оборонного института в Академгородке. Но и отсюда он был изгнан по антисемитским соображениям Новосибирским обкомом КПСС. Тогда он переходит на работу заведующим кафедрой в Новосибирский электротехнический институт, защищает кандидатскую и докторскую диссертации, становится профессором и заслуженным деятелем науки и высшего образования. В 1989–1991 гг. занимается предпринимательством. В чём оно заключалось, мне неизвестно, как неизвестны и непосредственные причины переезда в США.

В предисловии к первому тому воспоминаний Качан кратко рассказывает о своей жизни в США после отъезда туда из России в 1992 г. В 1991 г. в возрасте 57 лет он перенес инфаркт, сюда добавились другие болезни, но американская медицина продлила ему жизнь и возможность плодотворной и успешной трудовой деятельности бизнесмена еще в течение 27 лет. Однако научной деятельности в США он не возобновил. Причиной явилось, возможно, слабое владение английским языком. Кажется, малая способность к иностранным языкам – единственная серьезная слабость Качана.

Последние 13 лет жизни он прожил с женой в живописном и комфортном маленьком городке в Калифорнии около столицы штата – Сакраменто. Вместе с ними в США живут его дочь с мужем, трое внучек, окончивших американские вузы, двое правнуков. Здесь же живут многие его родственники и знакомые по ленинградскому и новосибирскому периоду жизни. Качан восторгается атмосферой американской жизни и возможностями, которые она предоставляет людям: «Я благодарю страну, где я теперь живу, Отечество моих потомков, за то, что им предоставлена возможность здесь жить, ни на кого не оглядываясь, ощущая себя человеком.

Перед нами открылось так много возможностей. Возможность поверить в себя, возможность учиться, возможность работать. Возможность дышать воздухом свободы. Только здесь я понял, насколько там мне труднее дышалось. Да о чём говорить, меня здесь никто ни разу не обозвал, никто не дал почувствовать, что я человек второго сорта. Меня здесь никогда не ограничивали в моих правах, здесь совсем другая атмосфера» [4, предисловие].

Заключение

Сейчас активно обсуждается план возрождения Академгородка через возрождение его материальной базы – программа «Академгородок 2.0». При всей важности материальной базы научных исследова-

ний сомневаюсь, что она – самое важное условие развития науки. Более важной является возможность проявления научными работниками их способностей, адекватная оценка их труда. Речь, конечно, прежде всего о живых. Но и о мертвых тоже, раз их не оценили при жизни. В связи с этим важна достойная оценка роли Михаила Качана в жизни Академгородка. Мне она представляется исключительно высокой (как я постарался показать). Дело чести для администрации Академгородка и СО РАН, профсоюзного комитета Новосибирского научного центра – достойное ее увековечение. Было бы целесообразно назвать его именем одну из улиц Академгородка, установить памятные доски в местах, где он жил и работал, в Академгородке и городе Новосибирске. Издать сборник воспоминаний.

Михаил Самуилович Качан это, безусловно, заслужил.

Литература

1. *Капица П.А.* Эксперимент. Теория. Практика. – М.: Наука, 1987. – 497 с.
2. *Качан М.* Прошлое и настоящее [Электронный ресурс]. – URL: <https://mik75.livejournal.com/> (дата обращения: 21.11.2019).
3. *Качан М.* Потомку о моей жизни. Воспоминания: в 22 т. – Сакраменто, 2015–2018. – 22 т.
4. *Качан М.* Потомку о моей жизни. Воспоминания. Т. 1. Украденное детство. – Сакраменто, 2015.
5. *Качан М.* Потомку о моей жизни. Воспоминания. Т. 3. Вокруг политехнического. – Сакраменто, 2015.
6. *Качан М.* Потомку о моей жизни. Воспоминания. Т. 4. Люба-Любовь. – Сакраменто, 2015.
7. *Качан М.* Потомку о моей жизни. Воспоминания. Т. 7. Шаги вольного Академгородка, 1965. – Сакраменто, 2015.
8. *Качан М.* Потомку о моей жизни. Воспоминания. Т. 8. Свобода и власть – на встречах курсах, 1966. – Сакраменто, 2015.
9. *Качан М.* Потомку о моей жизни. Воспоминания. Т. 9. Расцвет культуры и начало разгрома, 1967. – Сакраменто, 2015.
10. *Качан М.* Потомку о моей жизни. Воспоминания. Т. 17. Мой Академгородок, 1967, ч. 2. – Сакраменто, 2016.
11. *Качан М.* Потомку о моей жизни. Воспоминания. Т. 18. Мой Академгородок, 1967, ч. 3. – Сакраменто, 2016.
12. *Кузнецов И.С.* Новосибирский научный центр: хроника становления: учебное пособие к спецкурсу. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2007. – 262 с.
13. *Кузнецов И.С.* У истоков Академгородка: строительство города науки в Сибири (1957–1964). – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2007. – 167 с.
14. Российская академия наук. Сибирское отделение: исторический очерк. – Новосибирск: Наука, 2007. – 510 с.

15. Ханін Г.І. Почему пробуксовывает советская наука? // Постигение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. – М.: Прогресс, 1989. – С. 140–168.

Статья Г.И. Ханина продолжает развитие темы роли и значения новосибирского Академгородка в культурной, научной и политической жизни СССР.

См. еще статьи по этой теме:

Ханін Г.І. Мудрый старший товарищ Владимир Шляпентох // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 1, ч. 2. – С. 437–451.

Водичев Е.Г. Всегда ли «Понедельник начинается в субботу», или мифы и реалии сибирской «Новой Атлантиды». Статья первая. Мифы // Идеи и идеалы. – 2018. – № 1, т. 1. – С. 9–26.

Водичев Е.Г. Всегда ли «Понедельник начинается в субботу», или Мифы и реалии сибирской «Новой Атлантиды». Статья вторая. Реалии // Идеи и идеалы. – 2018. – № 2, т. 1. – С. 28–50.

Жежко-Браун И.В. НГУ: студенческое движение 1960-х. Статья первая // Идеи и идеалы. – 2016. – № 3, т. 1. – С. 136–156.

Жежко-Браун И.В. НГУ: студенческое движение 1960-х. Статья вторая // Идеи и идеалы. – 2016. – № 4, т. 1. – С. 109–134.

Кузнецов И.С. Комментарий к статье И.В. Жежко-Браун «НГУ: студенческое движение 1960-х» // Идеи и идеалы. – 2017. – № 1, т. 1. – С. 180–184.

ИИ

Статья поступила в редакцию 08.03.2019.

Статья прошла рецензирование 11.05.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-217-239

**HONEST AND TALENTED STORY
ABOUT THE NOVOSIBIRSK ACADEMGORODOK,
THE SOVIET PEOPLE AND SOVIET SOCIETY
(MEMORIES OF MIKHAIL KACHAN)**

Khanin Grigory,

Dr. of Sc. (Economics), Professor,

Professor at the Siberian Institute of Management –

the branch of the Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration,

6 Nizhgorodskaya St., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

khanin@yandex.ru

Abstract

The paper analyzes the memoirs of Mikhail Kachan “To Descendants about My Life” (22 books). These books cover the author’s life from childhood till 1968. The most part of the memoirs relate to the life, social, research and teaching activities of the author in the Academic Town of Novosibirsk (*Academgorodok*). As the Head of the Trade Union’s Committee of the Novosibirsk Scientific Centre, the author and his colleagues and coworkers played a huge role in improving the daily routine of the residents of Academgorodok, and organizing local cultural and sport activities, turning this place into an “island” of relative cultural and political freedom in Academgorodok. Being in the power triangle, Kachan knew a lot about the inner life of top officials of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences and described plenty of earlier unknown facts. The author shows social life of Academgorodok in the context of world affairs and political events in the USSR.

Basing on the memoirs of Mikhail Kachan, the author of the paper draws conclusions about the nature of the Soviet people, political and economic systems in the USSR, and the reasons that caused the collapse of the USSR. The author also analyzes the results of scientific efforts of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences and pays considerable attention to the effect of state-supported anti-Semitism in the USSR on the life of M. Kachan and the fate of the Soviet Union.

Keywords: M.S. Kachan, Academgorodok, the Trade Union’s Committee of the Novosibirsk Scientific Centre, the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, the reasons that caused the collapse of the USSR, state-supported anti-Semitism in the USSR.

Bibliographic description for citation:

Khanin G. Honest and Talented Story about the Novosibirsk Academgorodok, the Soviet People and Soviet Society (Memories of Mikhail Kachan). *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 4, pt. 1, pp. 217–239. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-217-239.

References

1. Kapitsa P.L. *Ekspieriment. Teoriya. Praktika* [Experiment. Theory. Practice]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 497 p.
2. Kachan M. *Proshloe i nastoyashchee* [Past and Present]. URL: <https://mikat75.livejournal.com/> (accessed 21.11.2019).
3. Kachan M. *Potomku o moei zhizni: vospominaniya*. V 22 t. [Descendant of My life. memories. In 22 v.]. Sacramento, 2015–2018.
4. Kachan M. *Potomku o moei zhizni: vospominaniya*. T. 1. *Ukradennoe detstvo* [Descendant of My life. Memories. Vol. 1. Stolen Childhood]. Sacramento, 2015.
5. Kachan M. *Potomku o moei zhizni. Vospominaniya*. T. 3. *Vokrug politekhnicheskogo* [Descendant of My life. Memories. Vol. 3. Around Polytechnic]. Sacramento, 2015.
6. Kachan M. *Potomku o moei zhizni. Vospominaniya*. T. 4. *Lyuba-Lyubov'* [Descendant of My life. Memories. Vol. 4. Luba-Love]. Sacramento, 2015.
7. Kachan M. *Potomku o moei zhizni. Vospominaniya*. T. 7. *Shagi vol'nogo Akademgorodka, 1965* [Descendant of My life. Memories. Vol. 7. Steps of the Free Academgorodok.1965]. Sacramento, 2015.
8. Kachan M. *Potomku o moei zhizni. Vospominaniya*. T. 8. *Svoboda i vlast' – na vstrechnykh kursakh, 1966* [Descendant of My life. Memories. Vol. 8. Freedom and Power – On a Collision Course]. Sacramento, 2015.
9. Kachan M. *Potomku o moei zhizni. Vospominaniya*. T. 9. *Rastsvet kul'tury i nachalo razgroma, 1967* [Descendant of My life. Memories. Vol. 9. The Flowering of the Culture and the Beginning of the Rout]. Sacramento, 2015.
10. Kachan M. *Potomku o moei zhizni. Vospominaniya*. T. 17. *Moi Akademgorodok, 1967*, ch. 2 [Descendant of My life. Memories. Vol. 17. My Akademgorodok, 1967, Pt. 2]. Sacramento, 2016.
11. Kachan M. *Potomku o moei zhizni. Vospominaniya*. T. 18. *Moi Akademgorodok, 1967*, ch. 3 [Descendant of My life. Memories. Vol. 18. My Akademgorodok, 1967, Pt. 3]. Sacramento, 2016.
12. Kuznetsov I.S. *Novosibirskii nauchnyi tsentr: khronika stanovleniya* [Novosibirsk Scientific Center: Chronicle of Formation]. Novosibirsk, NSU Publ., 2007. 262 p.
13. Kuznetsov I.S. *U istokov Akademgorodka: stroitel'stvo goroda nauki v Sibiri (1957–1964)* [At the Origins of Academgorodok: the Construction of a City of Science in Siberia (1957–1964)]. Novosibirsk, NSU Publ., 2007. 167 p.

14. *Rossiiskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie: istoricheskii ocherk* [Russian Academy of Sciences. Siberian Branch: Historical Essay]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2007. 510 p.

15. Khanin G.I. Pochemu probuksovyvaet sovetskaya nauka? [Why is Soviet science spinning?]. *Postizhenie: Sotsiologiya. Sotsial'naya politika. Ekonomicheskaya reforma* [Comprehension: Sociology. Social politics. Economic reform]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 140–168.

The article was received on 08.03.2019.

The article was reviewed on 11.05.2019.